

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оценкой вхождения белорусских земель в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой в работах дореволюционных, советских и современных российских историков, а также приводится точка зрения, преобладающая в современной белорусской историографии.

Включение белорусских земель в состав России, как результат разделов Речи Посполитой в конце XVIII в., остается одной из дискуссионных проблем в современной исторической науке.

В российской историографии, несмотря на присутствующий определенный разброс мнений, существует ряд устоявшихся традиций, сложившихся несколько столетий назад. В частности, основываясь на жалобе, поданной Екатерине II в 1763 г. Могилевским православным епископом Г. Канисским, о притеснении православного населения в Речи Посполитой и принудительном переводе его в унию [1, с. 31], сформировалась устойчивая концепция об освободительной миссии Российской империи в деле спасения своих единоверцев, и, следовательно, справедливости борьбы за их религиозное и политическое равноправие. Сама императрица в своем рескрипте от 22 декабря 1792 г. чрезвычайному и полномочному послу в Речи Посполитой Я.Е. Сиверсу писала: «...избавить земли и грады, некогда России принадлежавшие, единоплеменниками ее населенные и созданные и единую веру с нами исповедующие, от соблазна и угнетения им угрожающих» [1, с. 260]. Об этом же говорилось в «Манифесте по случаю присоединения к России губернии Изяславской, Брацлавской, Минской» в 1793 г. Фраза «Отторженная возвратихъ» была выбита на медали, отчеканенной по случаю подавления восстания под руководством Тадеуша Костюшко.

Идея, что Россия имела определенные исторические права на белорусские и украинские земли, ранее входившие в Древнерусское государство, была использована российским историком С.М. Соловьевым в его известной работе о разделах Речи Посполитой. В ней была сформулировано базовое для российской дореволюционной историографии положение о возврате Россией в свой состав украинских и белорусских земель. Этим объяснялось ее участие в разделах независимого государства, с признанием ответственности за этот акт исторической несправедливости. При этом отмечалось, что в гибели польского государства виновата сама польская аристократия, стоявшая у власти [1]. Подобные мысли о справедливости присоединения белорусских и украинских земель к России, при осуждении факта ликвидации польской государственности в ее этнических границах, высказывали в XIX в. большинство российских историков. Например, М.О. Коялович считал, что если население белорусско-украинских земель оказались в составе «своего родного» государства, то этнические польские земли вошли в государства немецкие и, в результате, было нарушено их естественное развитие [2, с. 160].

В советский период концепция о прогрессивности и легитимности разделов также была принята на вооружение, но с опорой на марксистскую классовую теорию. В академическом многотомном издании по истории СССР говорилось: «Речь Посполитая в силу внутренних причин находилась в состоянии политического развала и была объектом притязаний соседних государств. В ее состав продолжали входить отторгнутые от России земли Белоруссии и Украины. Белорусский и украинский народы, испытывавшие гнет польских панов, издавна стремились к воссоединению с братским русским народом... Конечно, царизм в своей политике в отношении Польши руководствовался классовыми мотивами. Тем не менее, реализация задач, связанных с Белоруссией и Украиной, имела бы положительные последствия как в смысле воссоединения украинских и белорусских земель, так и для развития производительных сил России» [3, с. 350].

Многие современные российские историки на основе использования новых источников, новых методологических подходов делают попытки отойти от ранее сложившихся оценок. Концептуально феномен разделов они рассматривают как следствие той эволюции системы международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, которая происходила во второй половине XVIII в., и делают вывод, что ликвидация польского государства не была predetermined особенностями внутреннего развития, ее нельзя рассматривать как историческую неизбежность. А Россия, Пруссия и Австрия совершили насиль-

УДК 930:94 (470) (476)

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ВКЛЮЧЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ РОССИИ В КОНЦЕ XVIII в. В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Борисенко Владимир Васильевич
проректор по научной работе учреждения образования
«Могилевский институт МВД Республики Беларусь»;
кандидат исторических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

ственный захват территории Речи Посполитой, ее раздел [4, 5, 6]. Однако, при оценке вхождения белорусских земель в состав Российской империи, часто воспроизводится утвердившийся ранее тезис. Так, в коллективной монографии Института Российской истории РАН «История внешней политики России. XVIII в.» утверждается о прогрессивности и исторически обусловленности процесса воссоединения Украины и Белоруссии с Россией, что отвечало воле и закономерностям исторического развития украинского, белорусского и русского народов [4, с. 196–197]. Идея о воссоединении активно используется и в современной российской научно-популярной литературе [7, с. 159].

Однако, как справедливо отмечал белорусский историк В.Л. Морозевич: «Сам термин «воссоединение» означает, что сторонники этой концепции считают, что украинские и белорусские земли – неотъемлемая часть Русского государства, которая была в силу исторических обстоятельств отторгнута враждебными соседями» [8, с. 37]. Не согласны с такой трактовкой и ряд российских историков. Так, специалист по истории ВКЛ и Речи Посполитой А.И. Филюшкин утверждает: «Нельзя отождествлять процесс образования феодальной цивилизации и Древнерусского государства. Территориальное ядро Киевской Руси вошло в состав ВКЛ... Народы, прямые потомки населения Киевской Руси, не стали базовым этносом российской цивилизации» [9, с. 37].

Вызывает сомнение и тезис о стремлении белорусского и украинского народов к «воссоединению» с братским русским народом. Еще С.М. Соловьев констатировал: «...в Польше не было народа, народ молчал...» «...в продолжение веков народ молчал...» [1, с. 266]. Российский и советский историк М.К. Любавский указывал, что накануне разделов не белорусские крестьяне стремились в Россию, а российские бежали в пограничные районы Речи Посполитой: «Крестьян усмиряли военной силой, а они отвечали на это побегами в Польшу. Эти побеги были так сильны, что встревожили правительство. Одним из побуждений русского правительства произвести раздел Польши, было желание уничтожить ту область, куда укрывались беглые крестьяне... Из России в Польшу бежало много раскольников... Затем, крестьяне бежали от рекрутских наборов и от привычки продавать крестьян из своих деревень другим помещикам для зачета рекрутов...» [10 с. 62]. Об этом же писал, еще до минского периода своей работы, известный историк-славист В.И. Пичета: «Существование самостоятельной Польши всегда являлось угрозой по адресу крепостников, так как русские крепостные находили себе убежище в Польше...» [11, с. 49]. Современный российский историк М.М. Кром, исследовавший положение населения городов ВКЛ, пришел к выводу, что «симпатий к Москве, к московским порядкам не удается обнаружить ни в одном из городов Литовской Руси» [12, с. 198–199].

Достаточно взвешенно о событиях конца XVIII в. говорится в современных российских школьных учебниках, что можно считать официальной позицией Российской Федерации по рассматриваемой проблеме, в них сказано не о воссоединении, а лишь о присоединении белорусских и украинских земель к России. При этом отмечается неоднозначность оценки разделов: «Австрия, Россия и Пруссия совершили явный акт агрессии по отношению к Польше... Однако нельзя не отметить, что вхождение в состав Российской империи украинского и белорусского народов отвечало их интересам» [13, с. 154]. Такая трактовка во многом соответствует взглядам значительной части современных белорусских историков. Они в своих работах используют термин «присоединение» или «включение» белорусских земель в состав царской России, а в оценке положения, в котором оказалось население, учитывают как положительные, так и негативные моменты. Вот как написано в академической шеститомной Истории Беларуси: «Для населения белорусских земель ситуация, связанная с трехэтапным переходом в состав Российской империи, опору феодальных порядков, была далеко не однозначной. Шляхта, уравненная в правах с российским дворянством, за исключением участников восстания, ничего не потеряла из своих прав и привилегий... Белорусский же крепостной крестьянин оказался под новой плетью российского самодержавия... С точки зрения интересов существования белорусской культуры и языка белорусы в результате присоединения своих земель к Российской империи угодили из «горшка» колонизации на «сковородку» русификации» [14, с. 259].

Таким образом, представленный анализ российской историографии показывает, что единства в оценке присоединения белорусских земель к Российской империи среди российских историков нет. Споры по этому поводу продолжаются до сегодняшнего дня и, судя по всему, будут продолжаться и впредь в силу тех или иных политико-идеологических воззрений. В тоже время можно констатировать появление тенденции объективного и конкретно-исторического подхода в изучении событий, связанных с разделами Речи Посполитой в конце XVIII в. Ее укреплению будет способствовать дальнейшее сотрудничество белорусских и российских историков в исследовании не только этой проблемы, но и других противоречивых и спорных моментов нашей совместной истории.

Список использованной литературы

1. Соловьев, С. М. История падения Польши. Восточный вопрос / С. М. Соловьев. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 364 с.
2. Коялович, М. И. Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к Документам объясняющим историю западно-русского края и его отношения к России и к Польше // Документы объясняющие историю западно-русского края и его отношения к России и Польше. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1865. – 862 с.
3. Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. / под ред. А. И. Барановича [и др.]. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 896 с.
4. История внешней политики России. Конец XV века – начало 1917 г.: в 5 т. / редкол.: А.Н. Сахаров (отв. ред.) [и др.]. – Т. 2: XVIII в. От Северной войны до войн России против Наполеона / редкол. Г.А. Санин (отв. ред.) [и др.]. – М.: Международные отношения, 1998. – 304 с.
5. Польша и Европа в XVIII веке: международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой / Отв. ред. Б. В. Носов. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 1999. – 288 с.
6. Стегний, П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. / П. В. Стегний. – М.: Международные отношения, 2002. – 696 с.
7. Зинькевич, В. «Несвяdomая» история Белой Руси / В. Зинькевич. – М.: Книжный мир, 2017. – 426 с.
8. Морозевич, В. Л. Российская историография о разделах Речи Посполитой / В. Л. Морозевич // Романовские чтения – 2 : сб. трудов международной науч. конференции / Под ред. О. В. Дьяченко. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. – С. 36 – 39.
9. Филюшкин А. Защитный пояс Третьего Рима // Родина. – 1998. – № 4. – С. 37 – 40.
10. Любавский, М. К. История царствования Екатерины II / М. К. Любавский. – СПб.: Лань, 2001. – 256 с.
11. Пичета, В. И. Внешняя политика Екатерины II / В.И. Пичета // Три века: Россия от смуты до нашего времени / Под ред. В. В. Каллаша. – Т. V. – М.: Т-ва И.Д. Сытина, – 1913. – 296 с.
12. Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. — М.: Археографический центр, 1995. – 292 с.
13. Андреев, И. Л. История России: конец XVII – XVIII вв. 8 кл.: учебник / И. Л. Андреев [и др.]. – М.: Дрова, 2016. – 219 с.
14. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]: Т. 3. Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII – XVIII стст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск: УП «Экаперспектыва», 2004. – 344 с.